

Виктор САВЕЛЬЕВ

БОЛЬШАЯ КНИГА ИНТЕРВЬЮ

Интервью разных лет

Беседы с Федором Конюховым

Такой большой и загадочный Китай

Виктор Савельев

**Большая книга интервью.
Интервью разных лет. Беседы
с Федором Конюховым. Такой
большой и загадочный Китай.**

«Издательские решения»

Савельев В.

Большая книга интервью. Интервью разных лет. Беседы с Федором Конюховым. Такой большой и загадочный Китай. / В. Савельев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931963-0

Сборник составлен из интервью, взятых журналистом Виктором Савельевым у людей, которым есть что сказать миру. Писательница Иоанна Хмелевская, путешественник Федор Конюхов, спасатель — участник операций особого риска, цикл интервью о загадках Китая и травле русскими фашистами певца Федора Шаляпина, разговор с аэронавтом, побившем на дирижабле рекорд высоты германского «цеппелина», бомбившего Лондон... Эксклюзивные подробности, необычные судьбы, кредо незаурядных людей — вот суть книги интервью.

ISBN 978-5-44-931963-0

© Савельев В.

© Издательские решения

Содержание

Ищу героя для интервью с «человеческим лицом»	6
ИНТЕРВЬЮ-ГЕНЕРАЛЫ	7
«ПОЛЯРНЫЙ ГУСЬ» – ПТИЦА ВЫСОКОГО ПОЛЕТА	7
Николай Дроздов: ИЩИТЕ СВЕТЛЫЕ КРАСКИ	14
В ЛЮБОМ НЕНАСТЬЕ	
Иоанна Хмелевская: ИХ Я ДЕЛАЛА	18
УБИЙЦАМИ...	
СПАСАТЕЛЬ	23
КАЖДЫЙ МОЖЕТ ПОГЛАДИТЬ МАМОНТА	29
МОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР	36
Зураб Кекелидзе: ПОЗДРАВЬТЕ ДРУГ ДРУГА	36
С ВЫГЛЯНУВШИМ СОЛНЦЕМ!	
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Большая книга интервью Интервью разных лет. Беседы с Федором Конюховым. Такой большой и загадочный Китай.

Виктор Савельев

© Виктор Савельев, 2018

ISBN 978-5-4493-1963-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ищу героя для интервью с «человеческим лицом» Введение автора в книгу

Эта книга собрала интервью автора, опубликованные в разные годы. Многие из них штучная работа, в корне отличная от тех интервью-однодневок, которые уже завтра будут неинтересны читателю...

В этой книге есть беседа с охотником за костями мамонтов, пещерных медведей и других представителей ледникового периода Земли. Больше всех древних животных любил этот исследователь шерстистого носорога – но натыкался на его кости и рога крайне редко, поскольку он не знал, в каком ареале их искать... А когда понял, то собрал лучшую в мире коллекцию рогов этого замечательного исчезнувшего вида...

Вот так же и с интервью: надо понимать, почему хорошее интервью – редкость и какая беседа в каком ареале будет интересна читателю и через годы.

На деле только кажется, что взять интервью – это пустяк, ведь ежедневно СМИ и ТВ берут сотни интервью: что покажет ваш театр в этом сезоне? что будет в моде? кто из политиков имеет шанс стать новым губернатором? и т. д. Но кто вспомнит этот «прошлогодний снег» через месяц после губернских назначений или ухода моды?

Качественное интервью всегда пишется только о человеке и главных для него вещах, а не о сиюминутном в быту или политике. «Человек есть мера всех вещей!» – это знали еще эллины в V веке до новой эры. Журналист в поисках темы интервью, а главное – героя беседы, должен уподобиться философу Диогену, который среди белого дня ходил по улицам Афин с фонарем и кричал: «Ищу человека!» – то есть ждал человека настоящего.

В этой книге собраны интервью автора разных лет – которые, тем не менее, не устарели.

Секрет их прост: из сотен бесед с самыми разнообразными людьми остались интересными сегодня лишь интервью сущностные, «с человеческим лицом», показывающие обстоятельства и характеры, достойные твоего внимания, читатель, и сейчас... Многие из собранных в книгу бесед не встретить нигде больше. Это эксклюзив, ярчайшие подробности, не потускневшие с годами – как не тускнеют отшлифованные алмазы! Не потускнели беседы с телеведущим Николаем Дроздовым, путешественником Федором Конюховым, интервью о Китае, о великом певце Федоре Шаляпине – всего не перечечь!

В обзоре творчества когда-то известного поэта Михаила Светлова кто-то дал классификацию: есть у него и рядовые стихи, а есть такие стихи-генералы, как «Гренада, Гренада, Гренада моя...»

Это меткое разделение запомнилось. И какие-то свои беседы я определил для себя как интервью-генералы, а какие-то безжалостно – невзирая на лица – отнес в рядовой состав. У читателя может быть насчет их рангов другое мнение. Но скучно ему не будет, ибо интервью с людьми, которым есть что сказать миру, – это всегда интересное чтение!

В. Савельев

ИНТЕРВЬЮ-ГЕНЕРАЛЫ

«ПОЛЯРНЫЙ ГУСЬ» – ПТИЦА ВЫСОКОГО ПОЛЕТА Некоторые подробности о новом абсолютном чемпионе мира, аэронавте и конструкторе Станиславе Федорове

17 августа 2006 года, стартовав из подмосковного местечка Рыболово близ города Жуковский, российский пилот Станислав Федоров на аэростате Аи-35 «Полярный гусь» поставил абсолютный мировой рекорд высоты – 8150 метров. Рекордный полет был приурочен к 80-летию РОСТО (ДОСААФ), 70-летию рекордного перелета дирижабля В-6 «Осоавиахим» и Дню авиации.

НАША СПРАВКА

Станислав Федоров:

входит в первую пятерку воздухоплавателей страны по рейтингу 2005 года;

мастер спорта;

рекордсмен России, теперь уже девятикратный;

президент Русского воздухоплавательного общества;

академик Академии космонавтики;

главный конструктор воздухоплавательного центра «Авгурь».

Год рождения 1968-й.

К моему удивлению, в скромном офисе нового чемпиона мира и прилегающем аэростатном цехе не было ни одного репортера. Все было очень скромно: аэростат «Белый гусь» – теперь уже легенда! – лежал спущенной большой грудой синтетической материи, не похожий на небесного красавца. Я похлопал по гондole из ивовых прутьев, побывавшей на рекордной высоте восемь тысяч метров, и поинтересовался у Федорова:

– А что будет с «Полярным гусем», Станислав Владимирович?

– Пока законсервируем. Зимой на нем собираемся бить свой же мировой рекорд трехгодичной давности по продолжительности полета тепловых дирижаблей. На следующий год начнем готовить «Полярного гуся» к экспериментальным пускам геофизических ракет на Северной земле для фотосъемок ледяного покрова Арктики. Вообще идея по запуску спутников с аэростатов давняя, на ней еще в 50-х годах американцы обожглись. Запускать ракеты на высоте с больших беспилотных шаров оказалось замечательно, но зачастую гонимые ветром полиэтиленовые оболочки падали на высоковольтные линии, вызывая аварии. Из-за этого программу свернули. «Полярный гусь» – уже новая эра современных тепловых аэростатов, которые на посадке превращаются, по сути, в дирижабли (по-французски «дирижабль» значит

«управляемый». **Ред.).** У «Полярного гуся» на гондоле есть мотор с пропеллером, который запускается только при посадке, чтобы лететь до нужного места.

– *А почему все же «гусь», да еще «полярный»? Ведь стартовали вы не в Арктике?*

– Стартовали мы, действительно, из-под города Жуковский, где у нас база и ангары с аэростатами. Вообще в традициях российского воздухоплавания называть дирижабли именами птиц: беркутами, копчиками, аистами... У нас есть «Филин», старенький дирижабль, который мы трогательно любим, потому что все на нем учились. А нынешний высотный аэростат объемом 3 тысячи кубометров назван в честь полярного гуся, поскольку ему предстоит участвовать в программах Международного полярного года. Полярный гусь – это птица необычная, летает очень медленно, но очень высоко: локаторы метеослужбы засекали стаи даже на высоте 10 тысяч метров.

– *Кстати, расскажите: какие рекорды высоты побил «Полярный гусь»?*

Дирижабль AU-35 «Полярный гусь» в полете.

– Самое смешное, что прежних рекордов было сразу два. Международной авиационной федерацией (FAI) признавалось достижение английского пилота Дэвида Хемплеман-Адамса, в 2004 году поднявшего аэростат на 6614 метров. А в Книге рекордов Гиннеса стоит рекорд аж от 19 октября 1917 года. Тогда немецкий военный «Zeppelin L-62» бомбил Лондон и одноразово сбросил несколько тонн бомб. В результате такого сильного облегчения дирижабль пулей выкинуло на семикилометровую высоту. Но во время мировой войны, как вы понимаете, спортивного комиссара на борту дирижабля не было, и официальным тот рекорд в 7200 метров не стал. Хотя уж точно, выше этих немцев ни один дирижабль в мире не летал! На всякий случай мы решили перекрыть оба эти достижения – официальное и описанное Книгой рекордов Гиннеса. Причем сделали это с большим запасом, перекрыв рекорд немецкого дирижабля «Zeppelin L-62» почти на километр.

– *Когда «Гусь» поднялся на рекордную высоту, какие чувства были?*

Так выглядит газетная публикация о мировом рекорде высоты, эксклюзивные фотографии для которой журналисту предоставил Станислав Федоров.

– Да никаких особых чувств не было, одна работа: надо же под оболочкой воздух греть, подачу кислорода вручную регулировать – ведь это же тепловой аэростат, летящий за счет газовой горелки в разряженном воздухе. Какого-то потолка высоты для «Полярного гуся» я не ощутил. У меня достаточно прозаическая ситуация была: в корзине 5 баллонов газа – три на подъем, два на спуск. Когда три баллона кончились, я просто переключился на четвертый и начал снижаться. Для нашей «птицы» набор высоты – это всего лишь вопрос горючего: «Полярный гусь» мог бы залететь и на девять тысяч метров. Но из-за того, что рекорд официально фиксировался разными системами, я вместо лишних баллонов газа взял в гондолу 50 кг аппаратуры. Потому что рекорд мало установить, его надо правильно зафиксировать и подтвердить. На старт в Рыболово приехал спортивный комиссар Международной авиационной федерации Дамир Менгазетдинов, перед взлетом он опломбировал два высотомера-барографа и две системы глобального позиционирования (GPS). По приземлению мне нельзя было складываться и что-то трогать, пока комиссар не снимет эти пломбы и не заберет бортовые самописцы. Поэтому после полета мою высоту не могли объявлять до расшифровки самописцев, хотя я знал, что залез на восемь километров. Только сейчас стала известна точная цифра высоты: это 8 150 метров над землей.

– *Как встретила земля внизу?*

– Спускаться с такой высоты, конечно, было «весело». Не все понимают, что идти спокойно и прогнозируемо можно только вверх: аэростат надул, у него хорошая стабильная форма. А когда идешь вниз, приглушаешь пламя в горелке, оболочка охлаждается, давление в ней падает. Дирижабль начинает терять форму, его сморщивает, местами переламывает, стабилизаторы начинают хлопать и махать. «Посчастливилось» на высоте 6 тысяч метров попасть

в положение, когда ветром гондолу закрутило относительно оси дирижабля на 180 градусов... Но ничего, раскрутило обратно, успокоилось.

– *Понервничали?*

– Нервничать-то что особо? На крайний случай, у пилота хорошая парашютная система есть с собой. Все прошло достаточно штатно. На трех тысячах метров снял кислородную маску, отдышался. С тысячи метров включил бортовой двигатель и потихоньку пошел в сторону старта: отнесло меня примерно на 50 километров. И практически дошел бы, будь больше газа. Его при посадке осталось 6 литров, а бралось соответственно 240. Нашел хорошее поле близ Егорьевска, аккуратно сел. Встречали внизу меня истохо. Потому что сел я неподалеку от большой автомобильной дороги. Машины, естественно, все остановились. Народ выскочил и стал немедленно предлагать слабоалкогольные и крепкоалкогольные напитки. Почему-то все подбежавшие считали, что первым желанием пилота после приземления должно быть немедленно выпить. А моим всеобъемлющим желанием было снять собачьи унты и термобелье с подогревом. Ведь после 38-градусного мороза стратосферы я снова попал в милые подмосковные плюс 25 градусов.

– *Все достижения вырастают из прошлого. Расскажите, как вас арестовали и держали на Лубянке...*

– В эту историю меня втянул в сентябре 1989 года датский профессор Кай Пааманд, замечательная творческая личность, вечно юная. Тогда была эпоха всеобщего братания с западным миром, и в рамках акции «Next Stop» (типа «Следующая остановка в Советском Союзе») в Москву приехала куча скандинавской молодежи. В их числе самый «молодой» из всех – этот 72-летний датский пилот Кай Пааманд с воздушным шаром. На нем он собрался летать над Москвой. Полет даже был прописан в программе акции, утвержденной Советом Министров СССР, но, поскольку шел каким-то мелким и дальним пунктом, на него не обратили внимания. То есть, по формальному признаку разрешение было.

Самое обидное, что я и не летал сам, а был только организатором и сопровождал перелет на машине. Все поначалу шло хорошо: мы показали дирекции Парка культуры разрешение, собрался народ, милиция натянула свои веревочки на месте старта. Взлетели над столицей неутомимый профессор Кай и студент МАИ Алексей Павлов. Скандал разразился, когда они проплыли вдоль Москвы-реки неподалеку от Кремля, где собрался какой-то важный форум. Мы не успели на месте посадки в Тушино сложить шар, когда уже появились люди в штатском. В отличие от нас, Кай Пааманд, с его богатым жизненным опытом полетов в разных странах, понял, что дело пахнет керосином, и мгновенно куда-то испарился. Следующий раз я его увидел только через 10 лет в Дании. Павлов был для органов обычный студент, а меня, как организатора, увезли в одиночку следственного изолятора КГБ. Отсидел, правда, я всего два дня – спасла утвержденная Совмином СССР программа. Но дней через десять в «Правде» вышла статья с жутким названием «Небо без хозяина», где нам воздали по полной. Удостоиться разгромной статьи в «Правде» в те времена – это было серьезно. В статье нас, воздухоплавателей, обвинили во всех грехах – чуть ли не в смерти Гагарина. Тогда одной из версий этой гибели было предположение, что в сопло его самолета мог попасть вражеской рукой пущенный метеозонд. Словом, мы узнали о себе много нового и нехорошего. Но был уже 1989 год, и советские фобии быстро ушли. А дальше законодательство изменилось, и нам разрешили летать без прежних ограничений...

– *Возглавляемому вами Русскому воздухоплавательному обществу почти 10 лет. Это правда, что вы были зачинателем рекламы на аэростатах?*

– Которая, кстати, помогла выжить нашему братству энтузиастов, в основном студентов МАИ. Сейчас смешно вспомнить, что мы начинали с кошачьего туалета. В офис одной известной фирмы, поставляющей корма для кошек и собак, западные партнеры прислали неожиданный

подарок: аэростаты с рекламой на борту. Поскольку в фирме пилотов не было, на них летали мы, ребята из первого «воздушного» кооператива. Так вот, на одном из рекламных аэростатов был нарисован огромный белый погавивший кот, очень довольный собой, сидящий рядом с фирменным кошачьим туалетом. Каких насмешек мы не натерпелись, летая на этом «кошачьем горшке»! Но мы терпели и благодарны тем производителям кошечьих туалетов: до них никто в стране не платил деньги за воздухоплавание.

А самым первым нашим заказчиком на аэростатную рекламу стал в декабре 1989 года «Театр песни Аллы Пугачевой». Надо было повесить на борт аэростата плакат с надписью «Алла Пугачева. Рождественские встречи в Олимпийском!». Художники сделали эскиз, мы кинулись по складам, базам и магазинам, но ткани в условиях советского дефицита не было никакой! В конце концов, нашли ситчик в мелкий голубой цветочек, который шел на пошив мужских «семейных трусов». Масляной краски не было, текст писали гуашью, а чтобы гуашь не растеклась, сверху забрызгали лаком для волос. Вблизи синие «цветочки» на ткани выглядели ужасно, но на высоте они сливались в приличный сплошной фон. Потому мы старались пораньше запустить аэростат, чтобы не смешить народ... А потом была первая избирательная кампания Ельцина, знаменитые «аэростатные рейсы 90-х годов». Тогда 5 наших аэростатов за месяц отлетали в 160 городах страны. Орали в «кричалки» над толпами, сыпали сверху листовки. Ужасная картина!

– *Значит, вы тоже вошли в политическую историю?*

– В историю, с вашего позволения, мы вошли с российским флагом, день которого страна отмечает 22 августа как государственный праздник. На деле флаг у Белого дома был поднят в 1991 году не 22-го, а 19-го числа. Правда, на аэростате. Так уж получилось, что у нас был симпатичный ветроустойчивый аэростат, на котором мы у Белого дома поднимали антенну радиостанции, транслировавшей указы Бориса Николаевича. И тут кому-то в голову пришла мысль поднять в воздух на шаре новый российский триколор. Что мы и сделали с энтузиазмом за три дня до признанной даты подъема флага. Флаг этот потом лет пять выставлялся в бывшем музее Октябрьской Революции, ныне Музей современной политической истории... От политики, правда, мы очень быстро отошли – она мешала сосредоточиться на главном для нас: разработке аэростатов. Но у Белого дома познакомились с теми, с кем потом зарегистрировали фирму «Авгурь», где я сейчас главный конструктор.

– *Удивительно, что бурное в 30-е годы прошлого века аэростатостроение было напрочь забыто лет на пятьдесят, а то и более...*

– Аэростаты и дирижабли штука хорошая и дешевая, но, как показалось в те довоенные времена, малопригодная в век истребительной авиации. Слишком легкая мишень! Это в наши дни военная наука осознала, что несколько часов вылета самолета дальнего радиолокационного дозора А-50 обходится стране в 30—40 тысяч долларов, а высотный дирижабль с радаром при малых расходах может сутками висеть в воздухе. Но тогда, перед Второй мировой войной, практически во всех странах, кроме США, разработку дирижаблей свернули. Остановилась деятельность знаменитой фирмы «Цепелин». Конечно, тут было много трагических совпадений. К примеру, авария на огромном немецком супер-дирижабле «Гинденбург», который эффектно сгорел после перелета из Европы через Атлантический океан у мачт американского аэропорта Лейкхерт 6 мая 1937 года...

– *Вы полагаете, это была диверсия?*

– Во всяком случае, гестапо посмертно обвинила в поджоге «Гинденбурга» члена его команды немецкого антифашиста Эриха Шпеля, мечтавшего уничтожить символ мощи и гордость нацистской Германии. Этот дирижабль, названный в честь генерал-фельдмаршала Гинденбурга, передавшего Адольфу Гитлеру власть, был длиннее легендарного «Титаника» – 248 метров, это был гигант с 26-ю двухместными каютами, на огромном хвосте которого красовалась черная свастика. К сожалению, наполнен он был очень легковоспламеняющимся водо-

родом. По версии следствия, Эрих Шпель заложил фосфорную бомбу в четвертый кормовой отсек и хотел взорвать «супер-цеппелин», когда пассажиры покинут борт. Но из-за грозы дирижабль пустили в обход Нью-Йорка, и тот в аэропорт прибытия опоздал. Часовой механизм мины сработал у причальной мачты, унеся в огне пожара жизни 36 человек из ста находившихся на борту. Кинокадры катастрофы тогда облетели весь мир.

Самое удивительное, что в те годы в СССР разбился огромный по размерам самолет «Максим Горький», где погибли все без единого шанса на спасение. Тем не менее, о страшной участи «Максима Горького» мало кто помнит. А о трагедии дирижабля «Гинденбург» – гораздо меньшей по масштабам жертв – до сих пор ходят легенды из-за эффектных кадров, сделанных на пожаре. Этот случай под корень подкосил дирижаблестроение в мире. Но времена меняются. Возродилась фирма «Zeppelin». Им немцы дали деньги 10 лет назад, теперь это преуспевающая фирма, наш конкурент. Буквально на днях новый «цеппелиновский» дирижабль купила знаменитая алмазная компания «Де Бирс», чтобы заниматься геологоразведкой. Сейчас аппаратура позволяет с воздуха обнаруживать признаки алмазных залежей, а делать это на дирижабле – прелесть: малые скорости, возможность «зависнуть» и никаких помех и вибраций, как у вертолета.

– Вернемся к сегодняшнему дню. Строительство аэростатов – прибыльная штука?

– Были времена, когда мы, инженеры, ходившие на работу почти бесплатно, смеялись, что с нас на турникете надо деньги брать за вход – чтобы хоть на скрепки канцелярии хватало. Коммерческий интерес к воздухоплаванию пришел где-то к 2000 году. Как и во всем мире, к нам пошли оборонные заказы, да и аппараты мы научились делать приличные. За 15 лет фирма «Авгурь» разработала и построила 36 типов аэростатов – большой показатель для авиастроительной компании. Даже Франция, родина воздушных шаров братьев Монгольфье, заказала у нас дирижабль Аи-12. Недавно французский экипаж отлетал на нем в избирательной кампании президента Габона. Наши привязные аэростаты-аттракционы «АэроЛифты», поднимающие 15 человек на высоту, немыслимую для «колеса обозрения», развлекают туристов в итальянской Помпее и США, а сейчас такой же «АэроЛифт» мы запускаем по заказу Москвы на территории ВВЦ у памятника покорителям космоса. Особо хочу отметить патрульные дирижабли, один из них закуплен у нас тайландской полицией. Хорошо зарекомендовали себя на контроле дорожного движения наши аэростаты в Перми.

– Кстати, что там за история с похищением ребенка?

– Это случилось прямо в первый день, когда над Пермью завис аэростат видеонаблюдения за дорогами. Бандиты, укравшие ребенка с целью шантажа и выкупа, опомниться не успели, как оказались в милиции: номер их машины и момент похищения отследила с высоты видеокамера.

Кстати, мы всегда смеемся, когда вылетаем на дирижабле с нашей базы в ЛИИ имени Громова в Жуковском: все машины на дорогах внизу начинают сбавлять скорость, хотя мы никакого отношения к патрульной службе не имеем. Но весть о том, что московское правительство заказало два дирижабля для авиации МВД, видимо, летит быстрее ветра...

– Мы знаем, что Русское воздухоплавательное общество – единственное в стране бесплатно учит пилотов для аэростатов и дирижаблей.

– Мы придаем этому очень большое значение. Знаете, чувство полета еще никто не отмечал, и дирижабль, плывущий над полями и пролесками, картину мира не портит. Люди странными путями приходят в воздухоплавание. Иной просто увидел шар, заинтересовался, взял мотоцикл и поехал на место посадки. И остался с нами навек. У нас летают самые разные люди: инженеры, рабочие, директора банков, руководители фирм. Интересный факт: если два года назад в России было зарегистрировано семь спортивных аэростатов, то сейчас их уже за 60. А пилотских свидетельств выдано более двухсот. Воздухоплавание – вполне безопасное заня-

тие, я даже детей своих в полет брал. Десятилетняя Анастасия и первоклассник Василий уже летали, а младшей – пятилетней Аглае – рано: она еще из-за борта корзины ничего не увидит.

Кстати, мы всегда развивали воздухоплавание в контакте с Министерством транспорта России и с федеральной Службой гражданской авиации, регистрировались, проходили курсы, получали свидетельства. Воздушных хулиганов в нашей среде нет, поэтому среди российских пилотов на моей памяти ни одного погибшего. Да и само воздухоплавание – очень коллективное дело. Это не дельтаплан, который купил на барахолке и по дури прыгнул с горы. Чтобы один шар поднять, надо собрать целую команду, не менее четырех человек. Поэтому идиотов-одиночек в воздухоплавании не терпят: они вычисляются быстро.

– Вы пошли на риск, идя на высоту, не доступную аэронавту. Считаете ли вы себя великим спортсменом?

– Ну что вы! Настоящими спортсменами я считаю молодежь, которая сейчас не вылезает с воздухоплавательных соревнований и добивается на шарах прекрасных результатов! А я все-таки инженер-конструктор. И великим пилотом себя не считаю. Но помните, у старых инженеров был девиз: «Это мой мост!». Это когда инженер строил мост и становился под него, когда на мост заезжал поезд. Поэтому я сразу сказал: абсолютный рекорд высоты никому не отдам. Ведь полет на «Полярном гусе» – тоже «мой мост». И я шел к этой высоте годы...

Беседу вел Виктор САВЕЛЬЕВ.

Снимки из личного архива С. Федорова сделаны 17 августа 2006 года на старте рекордного полета.

Источник: газета «Ежедневные новости. Подмосковье», 12 сентября 2006 года.

Николай Дроздов: ИЩИТЕ СВЕТЛЫЕ КРАСКИ В ЛЮБОМ НЕНАСТЬЕ

Кто не знает Николая Николаевича Дроздова – популярного ведущего телепередачи «В мире животных»? Он не только ученый, профессор МГУ и путешественник, носящий звание «Рыцарь планеты» наряду с Туром Хейердалом и Жаком Ив Кусто, но и обаятельный, добрый человек, чью улыбку любят, без преувеличения, миллионы телезрителей.

Но на днях в неких СМИ появились устрашающие заголовки: «Николай Дроздов мужественно борется за жизнь». Один таблоид поведал, что ученый и любимый телеведущий скрывает болезнь от близких и даже от жены. В подтверждение на снимке, сделанном неведомым папарацци, телеведущий был запечатлен на пороге центра рентгенологии и как бы «выглядел растерянно».

Ваш корреспондент рассматривал эту публикацию с «сенсацией», сидя рядом с Николаем Николаевичем на конференции о... здоровом образе жизни. По доброте душевной Дроздов не только не думал подавать на газету в суд, но даже усматривал в домыслах газетчиков трогательную заботу о его самочувствии. Хотя, конечно, удивлен был изрядно.

– Я ведь, – рассказал Николай Николаевич, – интервью о здоровье газетчикам не давал и ни с кем не встречался. А обо мне пишут: «В планах Дроздова – только выжить!» Или: «За жизнь известного телеведущего борются столичные врачи». Ну, дайте же мне этих врачей, которые за меня так борются, я хоть погляжу на них! Или вот тайно сфотографировали меня на ступеньках в здании Российского научного центра рентгенорадиологии, куда я пришел в гости. Вы знаете, я со многими дружу и сотрудничаю неформально, поскольку мой принцип – не вступать в организационные структуры, оргкомитеты, куда зовут. На первом этаже этого центра есть фонд помощи больным, названный по имени директора института, известного ученого-онколога Харченко, который я тоже поддерживаю. Они делают большое дело – ведь не все пациенты могут лечиться в московском институте, фонд делает возможным обследовать таких людей на Чукотке или, скажем, на Камчатке. И меня врачи в их путешествия приглашают. Недавно я в этот фонд в гости заходил – и вот, пожалуйста, фотография в номер, и написали Бог весть что...

Надо сказать, что Дроздов – великий энтузиаст здорового образа жизни и оздоровительных методик. Он не скрывает, что после телепередач о живом мире это его вторая страсть. А привил ее Николаю Николаевичу автор нескольких книг о «ключях здоровья», академик Юрий Гушо, бывший спортсмен, мастер спорта по самбо, сам излечивший собственные болезни.

– Это было в 1993 году, – вспоминает Дроздов. – Меня прихватил сустав, который я зашиб, упав с самоката. И вот я ковыляю к метро «Коньково», опираясь на палочку. А человек, которого я с тех пор считаю моим учителем, там делал пробежку. Обычно телевизионная «узнаваемость» мне очень досаждала, устаю от нее. Но тут, наверное, единственный раз в жизни я поблагодарил судьбу за то, что меня может на улице узнать незнакомый человек. Видя, как я хромаю с палочкой, делавший пробежку Юрий Петрович Гушо остановился и спросил, что со мной случилось. Отвечаю, что спасу нет от боли в суставе, и уколы мне уже колют, и даже предлагают вставить металлический сустав...

«И мне тоже это предлагали, да я оттуда сбежал, – засмеялся мой собеседник. – Давайте другой путь поищем!» И сказал, что надо сделать для запуска активных сил организма против боли. Первое, что он мне предложил, это сбросить лишний вес. А я тогда растолстел до 98 килограммов и уже подходил к стокилограммовому весу. «Вот сбросите хотя бы 10—15 кило, и боль утихнет!» – пообещал мне Юрий Петрович Гушо. И чтобы я не мучился с какими-то подсчетами калорий, научил меня простейшей диете из четырех продуктов, которые можно есть с утра до вечера. Появился аппетит – жуй их сколько хочешь, в любом количестве! С этих четырех продуктов и начался мой путь в здоровую жизнь...

– **Невероятно! Что за продукты такие?**

– Могу перечислить. Это огурцы, обычная белокочанная капуста, листовой салат и болгарский перец. Поскольку употреблять следует не только зеленый болгарский перец, но и желтый, и соответственно оранжевый и красный, то я считаю эту «четверку» скорее «семеркой» продуктов. Жиры они вымывают из организма великолепно – в день теряешь примерно 300 граммов веса, а за месяц сбрасываешь до 15 килограммов. И вот я набрал мешок таких разноцветных «товарищей» и весь день их жевал. Боль из сустава ушла на восьмом – девятом потерянном килограмме. Конечно, со временем я освоил и методы поддержания здоровья через голодание. Хотя некоторые думают, что я сбросил вес на островах во время игры «Последний герой»...

– **А разве нет? Ведь писали о вашем сильном похудении в ходе экстремальной игры...**

– Это верно лишь в той степени, что там я лишь продолжил ранее начатое. На деле я уже много лет раз в неделю сознательно занимаюсь голоданием – обычно в субботу вечером перестаю принимать пищу и только в понедельник утром включаюсь обратно. Таким образом, даю разгрузку почкам и другим органам на 36 часов. И представьте себе: мой вес теперь 74 килограмма вместо прежних девяносто восьми...

Конечно, более длительное голодание, скажем, на 21 день, еще более эффективный способ включить защитные силы организма. Но его без серьезной подготовки и знаний нельзя пробовать, тут надо понимать, как из этого состояния потом выходить. А вот однодневное голодание, с которого стоит начать, – это по силам, правда? Если раз в неделю, как я, обходиться без пищи 36 часов, то за год вы накопите 76 суток полноценного голодания. Это солидно. Ведь какие процессы происходят, когда организм не получает еды? Образно представьте: мозг органам говорит: «Ребята, наш хозяин-то совсем взбесился, ничего не ест, лишь физзарядку делает! Привычного питания нам нет, давайте поищем, чего бы съесть!» И организм начинает «поедать» какие-то вредные спайки между тканями, наросты, склеротические бляшки на кровеносных сосудах. «О, опухоль какая-то у нашего хозяина нашлась, да какая толстая и аппетитная – надо, ребята-органы, ее немедленно съесть!». Наука показывает, что иная раковая опухоль за 20—30 дней голодания съедается организмом полностью. Поэтому, может быть,

резонней больных, что все равно уйдут из жизни, в палатах онкобольниц не бульончиками кормить, а сказать им: «Перестаньте есть и пейте только воду!».

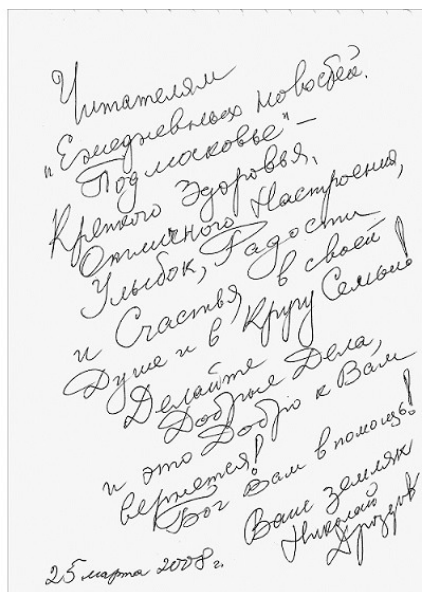
Юрий Гуцко, например, пишет в своей новой книге «12 ключей от сейфа здоровья», что при голодании наш организм начинает воспроизводить в себе стволовые клетки, которые сейчас за сумасшедшие деньги клиники предлагают вколоть всем желающим омолодиться. Причем голодание воспроизводит эти стволовые клетки на уровне молодого организма. Сам Гуцко в свои немалые годы спокойно делает стойку йогов на голове. Многие не понимают: зачем это нужно? А все дело в том, что наше прямохождение не так уж и полезно с точки зрения притока крови к голове, не зря же большинство зверей ходят на четырех лапах, держа голову на уровне туловища.

Конечно, многие люди скажут, что им из-за возраста или без тренировки не сделать классическую йоговскую стойку на голове – да и не обязательна она, есть более мягкие варианты. Посмотрите, как молятся и бьют поклоны мусульмане, да и православные лбом касаются земли тоже. Это и есть для вас первая стойка на голове! Почаще вставайте на колени в эту позу, чтобы голова оказывалась на полу – ниже талии и той, извините, мягкой части тела, которую греки называют словом «афедрон». Шести секунд стояния в этой нетрудной позе оказывается достаточно, чтобы обогащенная кислородом кровь прилила к голове. Да и позвоночник при этом отдыхает. Все это лишь толики методов активного долголетия. Но посмотрите, сколько живут люди, ведущие здоровый образ жизни: в прошлом году отметил 103-й день рождения Федор Григорьевич Углов – практикующий хирург, председатель «Союза борьбы за народную трезвость»; в 93 года не сходит со сцены народный артист Владимир Михайлович Зельдин; академику Галине Сергеевне Шаталовой, учителю здорового образа жизни, – 92 года...

– А кроме того, что вы занимаетесь голоданием и следите за здоровьем, что помогает поддержать здоровье?

– Конечно, я регулярно встаю от пяти до шести утра, делаю физические упражнения, слежу за правильным питанием, дыханием и всем, о чем сказал. Но самое главное, на мой взгляд, – это духовное и душевное состояние, ваш настрой. Вы должны быть прежде всего доброжелательны ко всем, стараться делать только хорошее и доброе. Я полагаю, дурных дел и поступков следует избегать. И даже не говорить и не думать о них. Должна быть нацеленность на добро.

Существует такая триада: добромыслие, доброе речие и доброе дело. Это мной сказано старинными словами – потому что я церковнославянский язык хорошо знаю, у меня дедушка был священником, как и многие по отцовской линии, да и отец меня церковнославянскому с дошкольного возраста учил. А если триаду эту на нашу жизнь распространить, то вам нужно думать обо всех только хорошо, это априори. Стремиться ко всему хорошему. И говорить тоже только самое хорошее, лучшее. Причем не только о людях, но даже о погоде, к примеру. Искать радость и светлые краски в любом ненастье: «Ах, какой великолепный туман был сегодня утром! И как здорово сейчас льет дождь! Красотища!». Если жить с таким настроением, то и душа ваша будет все время светиться, что ли.

Пожелание Николая Дроздова в блокноте журналиста.

А еще в жизни обязательно должны присутствовать трудолюбие и честность. Насчет честности ясно, все знают, что непорядочный человек ради корысти может разорить общество, соседей. Но ведь и честный – порядочный, но ленивый – тоже не сотворит доброго. Поэтому надо опираться на эти духовные ипостаси. Хочется, чтобы мы все жили сто и более лет, как живут пропагандисты здорового образа жизни...

Записал Виктор САВЕЛЬЕВ.

Источник: газета «Ежедневные новости. Подмосковье», 5 апреля 2008 года.

Иоанна Хмелевская: ИХ Я ДЕЛАЛА УБИЙЦАМИ...

«Польскую Агату Кристи» – писательницу Иоанну Хмелевскую, открывшую нам жанр ироничного детектива, в России любят. «Под Хмелевскую» пишет рать эпигонов в юбках.

6 сентября 2002 году Иоанна Хмелевская почти целый день провела на Московской книжной ярмарке, про которую потом скажет: «Очень тесно». Пристроившись рядом с «польской Агатой Кристи» и ее переводчиком Вадимом Шibaевым за действительно тесным столом, ваш корреспондент имел счастье лицезреть легендарную Иоанну, задавать ей вопросы, и слышал немало интересного в ее ответах и репликах в зал, которые пани Хмелевская иногда кидала через переводчика, а иногда по-русски. Это походило не на классическое интервью, а на межсуббойчик, поскольку одну волну поклонников, зевак и журналистов сменяла другая, включавшаяся в разговор, стержнем которого оставалась писательница, отметившая в апреле 2002-го свое 70-летие...

Для пани Иоанны легкая усмешка так же естественна, как ирония ее детективов. Вот кто-то спрашивает, кого из польских авторов она считает своим учителем.

– В принципе это достаточно сложно поведать, – невозмутимо бросает реплику Хмелевская. – Был один писатель Бушковский, который в конечном счете оказался женщиной. Мне нравилось, как он пишет – легко, с юмором и т. д. Но трудно сказать, что это был мой учитель, потому что к этому времени я уже сама писала...

– *Пани Иоанна*, – не унимается зал. – *Не собираетесь ли вы перенести в Москву действие своего следующего романа?*

– Очень трудный вопрос, потому что Москву я вижу в большой спешке и в основном из окна автомашины. На большее времени не хватает. Пожалуй, я вряд ли смогу сделать Москву местом действия следующего романа – потому что это огромный город, в котором я фактически ничего не знаю. Закурить можно?

– Она вообще спокойный человек, – объясняет мне переводчик Вадим Шibaев. – Кроме того, что она много ругает мужчин и вообще устраивает скандалы, тем не менее, она спокойный и хороший человек. Вчера мы на радио закончили запись в 21.30, там еще поехали ужинать и только к одиннадцати вечера добрались в гостиницу. Наутро я спрашиваю: ну, смогли вы вчера отдохнуть? «Нет, – сказала она, – я еще до двух часов ночи устраивала скандал Левандовскому». Левандовский – это ее агент, сопровождающий, друг и помощник...

– Да еще полномочный представитель, – вставляет по-польски пани Иоанна. – Мне не нужно ходить в самые разные учреждения, потому что это делает Левандовский.

– На вокзале, когда пани Иоанна вышла из поезда, – продолжает переводчик, – ее встречали операторы и журналисты нескольких телевизионных компаний и телеканалов Москвы. У нее спросили: какие у вас планы, что хотите делать в столице? Она сказала: «Я хочу купить рубин». У всех были вот такие глаза! Но я открою по секрету, почему ей действительно нужно купить рубин. У нее есть кольцо ее тети, которое она хочет подарить своей внучке в Варшаве. Но из этого кольца выпал и утерялся рубин. И такой же камень ей нужно подобрать под размер, купить и вставить. А в России, как она слыхала, есть рубины, но нужен красивый, идеально чистый и настоящий, чтобы не было подделки... И она все это хочет скрыть, чтобы в Варшаве никто не знал, что камень в кольце привезен из России...

...Кто знает, может из таких житейских случаев и рождаются знаменитые детективы Иоанны Хмелевской? («Когда б вы знали из какого сора // Растут стихи, не ведая стыда», –

подметила еще А. Ахматова). У польской писательницы даже досадная житейская мелочь превращается то в юмор, то в ужас и тайну. *«Во время путешествий по Европе мы натыкались на совершенно кретинские вещи, что и представить себе невозможно, – рассказала она на Московской книжной ярмарке. – На такие идиотские, что нельзя и жить без того, чтобы их не описать. Ну, например, как орала на всю Европу супербезобразная сигнализация нашей машины – орала-орала-орала и невозможно было ее выключить... Или как, например, внучка пыталась отрубить руку отцу где-то на Святой горе. А потом ветер и дождь сорвали парик, и кто-то нашел этот парик и пытается определить, где остальной труп, – это просто нельзя не сообщить людям!»*

После таких ужасных слов было бы верхом неприличия, сидя за одним столом с пани Хмелевской, не спросить «польскую Агату Кристи» о криминальной подоплеке ее книг: ведь героиня ее романов Иоанна то на труп жокея на ипподроме наткнется, то в багажнике собственной машины найдет голову девушки, а то и сама окажется под подозрением у милиции.

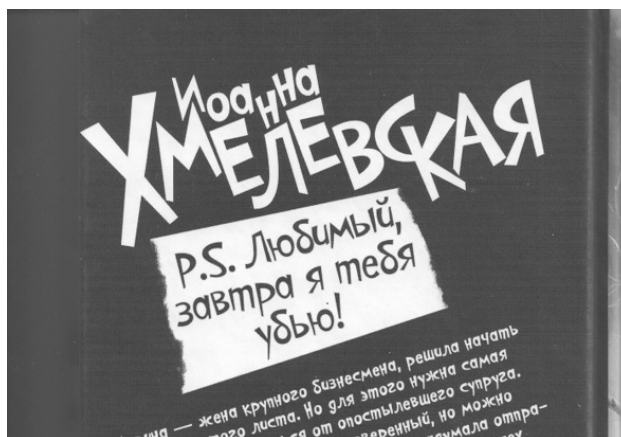
– Пани Иоанна, в ваших книгах так много убийств, несчастных случаев, детективных вещей – а в жизни вы встречались с такими вещами или нет?

– Если говорить о жизни, то в общем в жизни тоже встречаются убийства, но, к счастью, не все трупы лежат у моей двери. Не хотят как-то любезности такой мне сделать.

– А действительно ли, всё, что вы писали в книгах, случилось с вами лично?

– О, это самый типичный вопрос, который чаще всего задают журналисты в Польше! Это просто невозможно выносить уже!

– В каких случаях возникают ситуации, когда пани Иоанна хотела бы кого-нибудь убить? В расстройстве или еще как?

Названия книг «королевы детектива» порой бросают в дрожь!

Хмелевская оживает:

– Я бы и без этого пару человек с удовольствием убила бы. Но у меня был прекрасный выход – я могла их убить на бумаге. В принципе я так и делала: убивала своих врагов в книгах – хотя, разумеется, все «убитые на бумаге» живы... Но иногда – или даже чаще всего – я делала их убийцами, что, по моему мнению, еще хуже.

– Кстати, один ваш роман назван как раз в тему: «Убить мужа». Не боитесь ли вы, что такое название похоже на инструкцию и способно перепугать всех мужей? Как родился сюжет книги?

Переводчик шепчется с писательницей, потом объявляет:

– Пани Иоанна знает такую даму, кого-то из своих приятельниц, которая очень бы хотела убить своего мужа. Но, к счастью, тоже не делает этого.

К разговору об убийствах присоединяется один из издателей романов Хмелевской в России, господин Александр Биссеров (издательство «У-Фактория»):

– Я, позвольте, расскажу маленькую историю, как пани Иоанна переезжала в новый дом и одновременно писала свой новый роман, который должен появиться в русском переводе. Видимо, силы, которые тратила Иоанна на ремонт и переезд, были столь существенны, что при написании романа – я надеюсь, она мне позволит такую интимную подробность, – она дважды убила одного персонажа.

Под общий смех Хмелевская кивает:

– Вполне возможно.

...Поскольку все наслышаны, что в дни безденежья писательница, так же, как ее героини, шла в казино и на последние злѳтые выигрывала гору денег, то вопросов об азартных играх не избежать. Ну как их не задать той, которая пишет о своей героине: *«Игральными автоматами я увлекалась давно и играла с маниакальным упорством... О выигрыше сообщалось благозвучным журчанием, попискиванием или музыкой, а не звяканьем сыплющихся жетонов. Разумеется, сыпались они довольно редко, в основном, автомат копил их и сливал гуртом. Я, сидя перед автоматом, сияла от счастья... „Вот скотина, берѳт раз за разом“, – сквозь зубы цедил кто-то за моей спиной»*

Из зала задают вопрос:

– **Известно, что пани Иоанна почти каждый сезон ездит по Европе за рулем своей машины и посещает игорные залы, причем именно по мотивам этих путешествий родилась книга «Азарт». Вы не стали нежелательной персоной в этих игорных домах, разоряя их бюджет?**

– Нет, я примерно попала на ноль, – отвечает Хмелевская. – Не проиграла и не выиграла.

– **Не может ли пани Иоанна вспомнить самый крупный выигрыш и самый крупный проигрыш?**

Короткое совещание на польском языке переводчика с писательницей, после чего переводчик сообщает залу ответ:

– Что касается выигрышей, то самый большой из них на бегах составил 274 тысячи злѳтых. Для сравнения: за пресс-конференцию, интервью и за встречу с читателями писателю тогда платили одну тысячу. В казино ей однажды – был такой исключительно удачный день, какой бывает у каждого игрока, – удалось выиграть денег, которых хватило бы на покупку двух автомобилей «Фиат». А если говорить о проигрышах – ну, бывают такие дни, когда ничего не получается, даже не дни – недели, месяцы, когда ты проигрываешь. Но просто нормальный человек тогда не ставит много или прекращает ставить. Поэтому больших проигрышей она просто не помнит...

Неожиданно из зала прилетает реплика поклонниц:

– **Пани Иоанна была честная бедная женщина...**

– А что оказалось не так? – удивлена писательница.

– **Очень так... но сильно изменилась... Сохранилась ли та бедная интеллигентная женщина из ранних романов?**

– Дело в том, что в свое время я действительно была достаточно бедным человеком и зубами и когтями вырывала у издательств, где можно, гонорары и деньги. До тех пор, пока мне один умный человек не посоветовал создать свое издательство. И с тех пор я стала получать те деньги, которые обычно оставляют себе издатели.

– **Как называется издательство?**

– «Кобра».

Смех в зале. Что ж, вполне в духе Хмелевской.

– *У вас есть определенное мнение о книжном рынке? О ценах на книги?* – не унимается кто-то.

Переводчик слушает объяснения Хмелевской по-польски и выдает в зал:

– Вообще она этого в принципе не знает. В своем этом издательстве она чернорабочий. Она работает там тем, что стучит по клавишам. А если говорить о ее отношении к бизнесу – разбирается она в нем, как корова в танцах.

– *А в мужчинах? Она когда-нибудь отвечала на вопрос, что значат мужчины в ее жизни?*

– Она обычно говорит, что мужчины – это такие же люди, как и все. Что знаменитых блондинов в ее жизни было двое. Ее первый муж, о котором она никогда не писала в своих книгах, чтобы не обижать своих детей. И был такой еще сожитель. Оба они были никуда не годны. А главное, что мужчины такие же люди.

– *Пани Иоанна понимает русский язык, но на нем не говорит...*

– Я понимаю примерно пятое через десятое, – переводит толмач писательницу, – а говорю примерно одну тысячную слов...

– *Вот часто у писателя его творчество – заместитель жизни, оно иногда вытесняет какие-то личные вещи. Что для пани Иоанны главней: семья или работа? Чем она лечит плохое настроение, горести всякие?*

– Всегда она отвечает одно: работой. Работа для нее самое важное, – переводит толмач объяснения Хмелевской. – Творчество важнее, чем семья, чем личная жизнь.

– *А она рассказывала про тип работы? Как она работает – ночами, днями?*

– Не ночами – это точно. С утра она очень долго раскручивается, пока войдет в форму, работает днем. На компьютере пишет. Для сведения: у нее рассечены сухожилия – и от руки она, кроме своей подписи, ничего не пишет уже 10 лет. Все делается на компьютере, а раньше на машинке. Почему для нее, в общем-то, подписывание автографов – это достаточно серьезный и тяжелый труд.

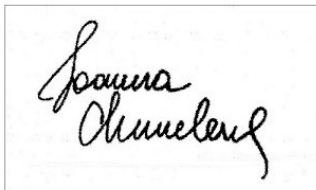
– *А что с рукой?*

– Два сухожилия были перерезаны.

– *Это не криминал?*

– Нет. В общем-то, можно об этом было не рассказывать, но она сама всем говорит, что при раздаче автографов не может написать чье-то имя или какое-то посвящение. Подпись идет автоматически.

...Мне, сидящему рядом с Хмелевской, становится неловко: я подсунул ей для автографа четвертую подряд книжку. А как, по-видимому, поврежденной руке пани Иоанны пришлось потрудиться при встрече с читателями в книжном магазине на Тверской! Сказывают, очередь за автографами растянулась по улице до памятника основателю Москвы – шутили, что Юрий Долгорукий на коне в той очереди был последним...

A black and white photograph of a handwritten signature in cursive script. The signature appears to read 'Joanna Hmielewska'.

Та самая подпись, что идет автоматически...

О популярности Иоанны Хмелевской много гадают: издав за неполные четыре десятилетия несколько десятков книг, она всегда была в «тренде», хоть не подлаживалась под время и не скрывала своих лет. Ошеломляет главный секрет ее прекрасной формы в любом возрасте, который она тут же поведала собравшимся в зале: «Дело в том, что я просто о себе не забочусь!»

– Она всю жизнь пишет для себя, – объясняет журналистам и публике переводчик ее романов Вадим Леонардович Шибает, много общавшийся с Хмелевской. – Не для читателей, не для женщин и не для мужчин, а только для себя. Потому что ей так хочется, ей так нравится. Потому что у нее в голове живут идеи романов... Конечно, обычно книги пишутся для того, чтобы их читали, чтобы у них были читатели. Но такое сумасшествие ей никогда в голову не приходило.

– *А это сумасшествие?*

– В ее понимании. Но она всегда говорит, что если у человека есть глаза, то он смотрит. Если у человека есть в руках перо, то он начинает писать.

...Польскую писательницу Иоанну Хмелевскую многие считают «бабушкой» и нашего женского детектива. Но она отнюдь не считает, что детективы, скажем, той же Дарьи Донцовой, выросли из-под ее крыла, как когда-то вся русская литература вышла из гоголевской «Шинели». «Если человек пишет в том же стиле, похожие книги, то значит, у него подобное отношение к жизни, подобный характер, подобные взгляды», – скромно говорит пани Иоанна...

Высказывания классика польского детектива записывал Виктор САВЕЛЬЕВ.

(Ранее не публиковалось).

СПАСАТЕЛЬ

Есть в подмосковном городе Видное знаменитый на весь мир Центр по проведению спасательных операций особого риска «Лидер», уникальное подразделение МЧС. Год назад здесь создали и открыли самый большой в мире робототехнический комплекс с новейшими роботами для манипуляций в зоне радиации, мощнейшей техникой.

Но все же главная сила МЧС не в «железе», золотой фонд – люди. Мы выбрали для разговора не генерала и не орденоносца, а самого обыкновенного спасателя. Знакомьтесь: Евгений Васильевич ЛЕНДЕЛ, начальник воздушно-десантной службы.

Он вошел в камуфляже, жизнерадостный крепкий 45 лет, и представился:

– Полковник МЧС Лендел. Вот такая у меня простая венгерская фамилия.

– *Откуда она у вас?*

– А я родился в Закарпатской области, что граничит с четырьмя государствами: Польшей, Венгрией, Чехословакией и Румынией. На краю города Берегового, где я жил до 17 лет, – граница с Венгрией. Там на десять человек восемь венгров, кино крутят на венгерском, в магазинах дашь форинты, а сдачу получишь в рублях... Отец у меня родом оттуда, а мать, Ильинова, русская. И я русский. Отец прекрасно владеет четырьмя языками, сестра – тремя, мать – четырьмя. Ну а я лоботряс, в семье не без уроды: знаю только венгерский и польский. В 1978-м ушел на срочную службу в Мурманск, оттуда попал в Рязанское воздушно-десантное училище...

– *И как вас из десанта в спасатели занесло?*

– А спасателю парашютно-десантная подготовка в плюс. От нее бесстрашие, дисциплина и, если хотите, дерзость в нужный момент. Я всегда говорю: «Чего вы меня пугаете? Я с тысячи метров прыгал». У меня в подчинении уникальный народ. Запишите: старший прапорщик Марика Краав. Восьмикратный чемпион мира по парашютному спорту, отличный спасатель! Или Михаил Мельников, чемпион мира 2004 года. В «Лидере» только мастеров парашютного спорта восемь человек, двое – международного класса. У нас даже девушки-спасатели все прыгают и мужчинам фору дают... Я этим, кстати, пользуюсь. Ведь в «Лидере» для спасательной работы собраны люди отовсюду – не только десантники, но и бывшие моряки, связисты, танкисты и т. д. И всем положено освоить парашют, прыгать. Смотришь: к первому прыжку нервно готовится офицер лет 40, который и неба-то не нюхал. Это по молодости, когда хочешь проверить себя, шагнуть за борт самолета легко, а с годами чувство страха сильнее. Так вот, садится такой офицер в вертолет для первого прыжка, а с ним на борту одни девушки. Красавицы, молодые, с парашютами. Ну, не может он после этого струсить и от прыжка отказаться...

Парашютиста-спасателя Евгения Лендела автор сфотографировал в служебном помещении центра «Лидер».

А если честно, то, когда в 1994 году мою десантную часть расформировали и мне, 34-летнему десантнику, пришлось покинуть ВДВ, я ушел на берег реки и нарыдался, как малолетний ребенок. ВДВ и до сих пор – моя любовь... А тогда меня пригласили в Ногинск – создать для МЧС принципиально новое подразделение парашютистов-спасателей. До этого парашютисты-спасатели были лишь авиационные, но они работали узко: по авиакатастрофам и встрече космических аппаратов. А нужно было учиться прыгать в очаги стихийных бедствий, в труднодоступные места, куда другая помощь не скоро пробьется. Прыгать на парашютах не налегке – с контейнерами грузов, инструментов, изобретать новые методы спасения...

– *Приведите пример...*

– Недавно на учениях в Туле мы показали эвакуацию людей вертолетом с высотных зданий. Представьте: дом в пламени, подходов нет, а на крыше машет руками и мечется потерпевший. Над домом срочно зависает вертолет – и спасатель на веревке (мы зовем ее «концом») спускается на крышу с каской и вторым «концом» в руке. Быстро одевает «обвязку» на человека, пристегивает того к себе – и оба, как птицы, взмывают в воздух на внешней подвеске вертолета. Так их, висящих на веревках, и буксируют в безопасное место.

Служивший у нас подполковник Монаков этим способом эвакуировал людей при наводнении в Ставрополье. Бывало, прижимает к себе потерпевшего и, чтобы тот в воздухе не нервничал, кричит в ухо: «Ты чего боишься! Посмотри вокруг – красота-то какая...».

– *Наверное, спасателю трудней всего в горах?*

– Мне довелось через весь Памир доставить гуманитарный груз из киргизского города Ош голодающему населению Афганистана. Прошел с колонной через 11 перевалов, на высоте 6000 метров, да еще зимой. Мы потеряли часть машин и несколько водителей. В буквальном смысле – они срывались в пропасть. Были сходы лавин, с лопатами пробивались сквозь завалы. И все же я не скажу, что это самое трудное. Нет легких спасательных операций. И в принципе не может быть! На праздник, 23 февраля, мы работали на обрушившемся в Москве Бауманском рынке. Очень много погибших. Счастье, когда кого-то спасешь. Мы вот достали оттуда живого человека. А до этого было нашумевшее обрушение крыши в аквапарке. Вроде такая же спасательная операция. Но! Тут взрослые, там – дети. Дети это, конечно, страшней всего, ни с чем не сопоставить! Так что пробиваться через горы – это одно. А разбирать завал, зная, что под ним люди, это совсем другое. А обеспечивать операции гуманитарного характера – это третье.

Наш подполковник Куликов в 2000 году, сопровождая врачей для оказания медицинской помощи чеченскому населению, в Заводском районе Грозного был обстрелян из засады. Два врача погибли, подполковник получил пулю в легкое. Но при этом сумел отразить атаку и спасти оставшихся врачей, которых уже взял на прицел боевик-гранатометчик...

– *Сразил его?*

– Да, с серьезным ранением смог применить оружие и опередил бандита на секунду. За что награжден орденом Мужества. У нас в центре много ребят награждено правительственными наградами. Потому как «Лидер» повсеместно привлекался на спасательные операции – начиная с оказания гуманитарной помощи общине духоборов в Грузии в 1994 году и кончая катастрофами и ЧС на Тайване, в Иране, Турции, Югославии, да по всему миру... Кстати, мы часто бок о бок работаем со спасателями других стран – немцами, американцами, индийцами, французами. Они очень профессиональны – но, знаете, чем от нас отличаются? Тем, что могут в любой момент сказать: «Там опасно! Я не полезу!». А у нас другое правило: спасатель имеет право на риск. Вы не полезете? Очень хорошо – а мы за пострадавшим полезем! Полезли и достали. Такой уж, видно, русский человек – широкой души. Он никогда не бросит товарища в беде, не пройдет равнодушно мимо несчастья...

Так выглядит интервью на газетной полосе. К сожалению, оно не вышло с заголовком оригинала «Нет легких спасательных операций», более точно отражающим суть беседы.

– *Вы говорите про работу или повседневную жизнь?*

– А разницы нет. Вот недавний случай: в октябре прошлого года в Подмосковье мы возвращались с учебно-тренировочных прыжков. Буквально за минуту до нас впереди произошла авария, столкнулись три автомобиля. Тут же выскакиваем и разбиваемся на группы. Переворачиваем «шестерку», лежащую на боку, – водителю не помочь, «двухсотый»! (т.е. мертвый, от печального «груз 200». – *Ред.*) Во второй машине – то же самое! А в третьей вроде двое живы. Руками – мы ж на прыжки ехали, без инструмента – разбиваем стекла и вынимаем пострадавших. Там муж с женой – купили скоростную иномарку и стукнулись по пути из Черноголовки. Мужчина от тяжелых травм умер у нас на руках. А женщине мы два часа поддер-

живали жизнь, пока не приехала «скорая» и мы не передали ее медикам с рук на руки. Такая готовность к ситуациям у спасателя всегда. Недаром у наших оперативных групп без конца учеба и тренировки – в том числе и по оказанию помощи при рваных ранах и переломах, ушибах и кровотечениях...

– Евгений Васильевич, какой совет по выживанию дадите читателю? Ведь даже в катастрофах погибают не все...

– Я лично думаю, что знание должно быть. Ведь сколько делает МЧС, чтоб люди элементарно умели спастись! На всех досках объявлений, рекламных щитах – памятки: что делать при террористическом акте, при пожаре, при наводнении и т. п. У меня, допустим, матери уже 80 лет. Во время Кишиневского землетрясения она гостила там у сестры, была на девятом этаже. Как только дом закачалось, мать встала в проем двери. Потому что знала – в проеме тебя не придавит при обвале потолка. По максимуму надо себя при катаклизме обезопасить. И, в первую очередь, не паниковать.

– Вы бывали в десятках мест: в Афганистане, Киргизии, Таджикистане, во Владикавказе и Кармадонском ущелье...

– Я и в Америку был лететь готов, неделю не уходил с территории части, когда Лос-Анджелес тонул. Только американский закон, запрещающий принимать медпомощь от неграждан Америки на территории США, помешал вылету российского МЧС. У них там интересные законы бывают. В штате Аляска есть закон, который запрещает в полете выбрасывать из самолета оленя. В Мексике, по-моему, запрещено со львом ходить в кинотеатр. Но вы знаете, дело не в территориях – при чрезвычайных ситуациях везде стресс, грязь, жестокость, кровь, беда. Тут без разницы, в какой стране, какой национальности. Видеть несчастья, конечно, тяжело. И я могу понять горе матери, когда достает из-под завалов погибшего ребенка. Или горе мужа, когда он видит погибшую жену... Вот эту людскую боль, нервные срывы спасатели принимают на себя. Это, пожалуй, самое тяжелое и самое страшное в нашей работе, ибо ты их пропускаешь через свое сердце. Только одного я не могу понять – это непонимания нашей миссии. Или когда спасателям начинают, что называется, «права качать», угрожать...

– Такие ситуации есть?

– Простой пример: город Ленск в Якутии во время ужасного наводнения. Летим. Вертолет пилотирует начальник управления авиацией МЧС, генерал-лейтенант Закиров. Он тоже уникальный человек, летает, по-моему, на всем, что летает...

– Вы хотите сказать, что генерал, как простой пилот, сидел за штурвалом?

– А в МЧС это обычно – все высочайшие профессионалы любят непосредственно поучаствовать в деле. Возьмите нашего министра Шойгу, так он иные уникальные спасательные операции лично проводит. Вы посмотрите любое ЧП – первый кто там оказывается? Министр. Бросает дела, прилетает и приезжает на место моментально...

Короче, летим мы на вертолете над территорией наводнения в Ленске. И «зависаем» низко над домом, где лишь крыша из воды торчит. На крыше три человека – семья с ребенком, холодильник и какая-то свинья. Люди от помощи отказываются и кричат – мол, улетайте! Мы висим, ибо вода идет. Как вы думаете, что делает на крыше мужчина? Вам и в голову не придет – он достает двустволку и целится в вертолет. Мы улетели. Через два часа вода смыла их, семью еле спасли ребята-водолазы на лодке. Утонул и холодильник, и эта свинья. И вытащили их из воды в километре от домика. Ну, зачем это нужно было? И такой дури немало, к сожалению. То вдруг лодку «съездить к другу» кто-то из жителей начнет требовать: «Ведь вы спасатели! Вы МЧС! Вы обязаны мне лодку дать!». И не внушишь такому, что у МЧС другая миссия – спасать пострадавших.

– Расскажите про город Ленск подробнее.

– Там была адская работа. Произошел ледяной затор при ледоходе, когда река Лена тронулась. Его бомбили с самолетов. Разбомбят – вода из города уходит, на площадях остаются глыбы льда размером в полкомнаты. И снова идет затор и затопление улиц... И снова реку бомбят. Раз в полвторого ночи: «Подъем! На выезд срочно! Вода прибывает!». Водолазы заводят лодку и начинают работать на воде по поиску людей. Плывут по улицам, собирают тех, кто не успел спрятаться. Под утро выходят на связь: «Заберите нас!». – «А вы где?». – «Мы на перекрестке таких-то улиц возле светофора». Вода мгновенно ушла, вот они и сидят на асфальте – на моторной лодке. Нормально? Такие казусы, как ни странно, даже помогают снять психологическое напряжение. Как-то на вертолете сели на футбольную площадку, где посуше, и выгружаем бутилированную воду, поскольку в городе коммуникации затоплены. Подходит поддатый мужчина из местных: «Мужики, вы что привезли?». Не отрываясь от разгрузки, мы орем: «Воду!». На его лице неподдельное изумление: «Воду? А у нас что – воды тут нет?».

– *Можно подумать, у вас не работа, а сплошной юмор...*

– А юмор спасает. И не только в переносном смысле. Вот люди среди руин, попали в беду, до прихода спасателя многие в панике. И тут должен появиться тот, кого я называю коноводом. И если он ведет себя уверенно, с юмором, то и люди успокаиваются, готовы выполнять его команды, зачастую спасающие им жизнь. Ну, а если у кого-то нервный срыв, то можно просто «не обратить внимания». Ведь как мы обычно говорим пострадавшим: «Чего вы волнуетесь? Все будет спокойно. Будет все хорошо!».

А вот уж кому при такой ситуации больше всех достается, так это, извините, вашим коллегам-журналистам. Особенно, развязно себя ведущим. Нам раненого человека надо срочно эвакуировать. А тут оператор с видеокамерой: «Ой, поддержите его еще секунду, я еще не снял!». Могут набить морду и разбить камеру. Все на нервах. Ни в коем случае нельзя мешать работе спасателей. Пожалуйста, фотографируйте, освещайте, мы уважаем к средствам массовой информации. Только, пожалуйста, не лезьте под руку на месте аварий. Там другая обстановка. Ни один спасатель вам во время работы не даст интервью. И если вы обратитесь ко мне с вопросами в такой обстановке, я повернусь к вам спиной и уйду. Потому что на ЧС превыше всего работа, всегда срочная, опасная и грязная...

– *А что вы считаете залогом успеха спасательных операций?*

– Люди на спасении сильны коллективом. Масштабы чрезвычайных ситуаций обычно таковы, что один человек ничего не сделает. Все равно, как в притче о венке – каждую веточку в одиночку легко поломать, а вместе они сила. Поэтому и людей готовим так, чтобы вместо одного пришло пять. Вот восемь наших спасателей едут в Таганрог и Геленджик, изучать работу с новейшим самолетом-амфибией «БЕ-200ЧС». Пока в мире всего три такие изумительные машины. Этот самолет садится на воду там, где надо срочно спасти людей из воды, особенно в северных морях, где переохлаждение после кораблекрушений наступает быстро. У нас много ребят, готовых к работе с «БЕ-200ЧС», и в Центроспасе, и в авиации. По мере поступления самолетов, надо готовить и спасателей «Лидера». Незаменимых быть не должно. Поэтому мы все приобретаем смежные специальности. Вот я парашютист, но, помимо прочего, и механик-водитель, и офицер-водолаз, и стропальщик, допущенный к работе с краном. Могу водить гидроцикл, катер, иную технику. Мне 45, а я все учусь...

– *Жена не ревнует к работе?*

– А она у меня сама спасатель 1-го класса и мастер парашютного спорта. «Мой главный инструктор», как я говорю. Восемь тысяч прыжков. Была в свое время абсолютной чемпионкой Германии и Кубка дружественных армий. В МЧС тоже с 1994 года. И дети – Кирилл и Димка, как дети многих спасателей, тоже прыгают. Причем младший Кирилл сделал первый прыжок с высоты 200 метров, задержка раскрытия три секунды. Прыгал вместе с папой. Я первый, он за мной. Только про семью не надо...

– *Закрытая тема?*

– У парашютистов личных тем не обсуждают. Вот у нас в центре есть один офицер. Если вы посмотрите его спасательную книжку – я даже не знаю, сколько там выездов и операций с его участием! К тому же и он, и жена – парашютисты-спортсмены высокого класса. Так они по три-четыре месяца иной раз не видятся – то сборы попеременно, то командировки... У них до смеха доходило: во Владикавказе могли встретиться. Двадцать минут поговорить – он полетел в одну сторону, она в другую. Но при этом крепкая семья.

Поэтому на нашей работе нужно очень любить эту работу. Здесь можно служить, лишь если ты предан делу. Случайные люди, те, кто ищет личную выгоду или стараются сделать карьеру, надолго не приживаются. Почему я все служу, хотя давно мог пойти на пенсию при 28 календарных годах выслуги? Да потому что люблю профессию. И так вам ответят многие спасатели. Мы здесь не работаем, а живем. Просто зовем свою жизнь работой.

Беседу вел Виктор САВЕЛЬЕВ.

Источник: газета «Ежедневные новости. Подмосковье», 19 апреля 2006 года.

КАЖДЫЙ МОЖЕТ ПОГЛАДИТЬ МАМОНТА В музее ледникового периода собраны только подлинные останки ископаемых животных

Федор Шидловский не доктор и даже не кандидат наук. Но тем не менее его можно считать экспертом по ледниковому периоду Земли и его обитателям. Собранный Шидловским коллекции рогов и костей шерстистого носорога, ископаемых пещерных медведей, львов, мамонтов не имеет аналогов в мире. Федор Касперович известен и как гендиректор частного музея во Всероссийском выставочном центре (ВДНХ). С Федором Шидловским у нас сегодня разговор о том, что лежит под ногами.

– Давайте, Федор Касперович, сразу о Подмоскovie. Говорят, вы сделали здесь свои личные открытия...

– Это не совсем корректно. Пальму первенства я бы оставил за краеведческими музеями Московской области, где собран богатый ископаемый материал. Просто древние кости надо уметь найти. А кто у нас главные естествопознаватели? Обычно дети, которые везде ищут. Себя помню в детстве – это ж фантастика! Любую раздавленную лягушку расковыряю, в любую щель полезу... В 1990 году, уже занимаясь палеонтологией, я сдружился с мастерами-косторезами из Хотьково Сергиево-Посадского района, поддерживал их. И вот во время нашей маевки на речке Воря, пока жарились шашлыки, я обратил внимание на подмытый берег. Геологический срез знающему человеку всегда интересен, потому что река вымывает хранимое тысячелетиями. Мне повезло: в грунте, среди глиноземов, проступали останки нижней челюсти мамонтенка. А ниже по течению, в отмели, лежал еще фрагмент – разрушенная берцовая кость мамонта. Вы ведь знаете, что 50 тысяч лет назад на месте нынешнего Подмоскovie были арктические степи с прекрасной травой. Это было царство мамонтовой флоры, ее расцвет. Здесь водились – правда, не густо – шерстистые носороги. Здесь были свои местные мамонты, которые находили корм даже зимой. А летом сюда шли более крупные миграционные мамонты с юга, настоящие гиганты...

– Удивительно, что подмоскovie жители ничего не знают про эти следы...

– Вы натолкнули меня на мысль: надо сделать в Музее ледникового периода на ВВЦ уголок Подмоскovie. А то, что в средней полосе мамонтовых следов мало, не удивительно – здесь сохранились лишь останки, что оказались под завалом плотных грунтов без доступа кислорода. Иное дело Север, где в вечной мерзлоте нет окислительных и разрушительных процессов. Загляните в наш музей на ВВЦ: там выставлены кости с фрагментами шкур, мягких тканей –

например, сохранившаяся до наших дней волосатая нога древней лошади, которой 40 тысяч лет. Кстати, питалась эта лошадка не одной травой, но и зайчиками, лемингами, сусликами – всем подряд. И заметьте: мягкие ткани этой лошади мы не держим в холодильнике, потому что за тысячи лет в мерзлоте произошло естественное выщелачивание жиров, остался только белок тканей. Вот почему такое мясо трудно кушать – все равно, что жевать вашу кожаную куртку...

– **А вы ели это мясо?**

Фрагмент публикации.

– Лошадь не ел, но мясо мамонта попробовал. Однажды в 1991 году мы были на охоте в Сибири, на берегу Восточно-Сибирского моря. И к нашей стоянке повадился ходить белый медведь. Оказалось, шторм обнажил в береге тушу мамонтенка, вот медведь и устроил столовую. Кстати, почему-то все хищники, да и собаки, просто занюхиваются мамонтовым мясом. Когда медведя прогнали, то нашего резвого щенка – четырехмесячную лаечку Шарика – было не оттащить от мамонта, которого он грыз. Мы тоже решили попробовать вкус мамонты. Я отрубил топором мягкий кусок черного мяса и четыре часа варил на костре. Но кушать мамонта все равно было невозможно – будто жуешь безвкусную волокнистую тряпку...

– **Прежде чем перейти к вашим северным находкам, расскажите о своих корнях.**

– Мои предки – российские немцы, я родился во времена СССР в Северном Казахстане, в немецкой деревне Келлеровка. Кстати, мой отец Фридрих Саттер – первый немецкомсомолец в России. Когда мне было три месяца от роду, умерла мама, оставив шестерых детей. И тогда родной брат матери – дядя Каспер Шидловский – увез меня к себе и воспитал в своей семье. Так я стал по отчеству Касперовичем с материнской фамилией Шидловский. После распада СССР немецкая родня, побросав дома, уехала в Германию. Почему не уехал я в благополучную страну? Наверное, потому, что ощущал себя (как ни громко сказано) патриотом. И у меня было в России новое, покорившее дело – после вуза по распределению я поехал в якутский город Среднеколымск, в Колым-Индигогирский авиационный отряд. Там в мою жизнь мощно вошла палеонтология...

– **О том, как вы нашли в тайге кость мамонта, положившую начало коллекции, не писал только ленивый...**

– Это, кстати, случилось на реке Березовке, правом притоке Колымы, – в тех местах, где в 1900 году охотником-эвеном Семеном Тарабыкиным в вечной мерзлоте был найден легендарный «Березовский мамонт». Впервые в распоряжении ученых оказался не только сохранившийся целиком косматый самец, умерший 44 тысячи лет назад, но и все его мягкие ткани

и органы, его шерсть, кровь. «Березовского мамонта» отвезли в Петербург, даже император с семьей ходил на него смотреть.

Конечно, мои находки 80-х – 90-х годов не столь сенсационны. Но я влюбился в те места, свободное время тратил на лазание по тундре, лесотундре, речкам. Местное население подбирало лишь бивни мамонта, зная, что это косторезный товар. А я искал и находил не только бивни, но и косточки. А их за миллион лет мамонтовой эры земля изрядно скопила! Поэтому за 15 лет работы на Севере у меня собралась серьезная палеонтологическая коллекция. Это побудило меня – авиационного инженера-конструктора – сесть за учебники по палеонтологии. За годы, проведенные на Севере, я лишь однажды – в 1985 году – брал отпуск на Большую землю. И то с целью посидеть в московских библиотеках.

Тогда же я завел знакомства с учеными и лаборантами Института палеонтологии РАН, они поделились со мной атласами скелетов животных, научной литературой. Помню, знакомство с учеными как-то обернулось для меня конфузом. Однажды я похвастался, что знаю захоронение нетронутых целых скелетов мамонта. А целых скелетов, скажу вам, в мире найдено не более 20. Тогда были трудные для науки годы, о дорогостоящей экспедиции в Якутию ученые не смели и мечтать. Но загорелись идеей и научили меня, как мамонта грамотно из породы изъять и упаковать. Каково же было мое горе, когда на месте захоронения я не нашел мамонта: его по весне снесло половодьем. Мне было так стыдно, что я несколько лет в Институт палеонтологии носа не показывал...

Вверху: экспонаты Шидловского всегда вызывают неподдельный интерес. Внизу: Федор Шидловский во время интервью. Фото автора книги.

– Расскажите, однако, как пришли в коммерцию.

– Я полагаю, что наука и коммерция должны идти рука об руку. Вы хоть знаете, что все музеи дореволюционной России были созданы исключительно частными лицами – тот же Дарвиновский музей в Москве стал государственным лишь после революции? Начинал я, конечно, с бивней мамонта, с их продаж. И знаете, почему? С ростом известности моей коллекции ко мне зачастили авантюристы и перекупщики бивней с предложениями. Меня тогда это очень заело: если они, не имея своего материала, могут быть в этом бизнесе, то почему же я не смогу? Со временем я открыл для себя иные формы заработка: так называемые реплики, реконструкции древних животных. Я придумал, что можно продавать сборные скелеты мамонтов. То есть у нас сейчас целый альянс людей, увлеченных этим делом, со многими я работал еще на Колыме. Мы ездим в экспедиции и собираем все найденные косточки, складываем по составу и размерам. А когда из костей «подбирается», скажем, мамонт подходящего размера, то монтируем его для продажи. Такой сборный скелет не имеет научной ценности, поскольку по нему не проследишь эволюционные процессы. Но познавательную и музейную ценность он имеет...

– *Вы как-то быстро соскочили с бивней! Хотелось подробней узнать про этот бизнес...*

– Интерес к бивням существовал всегда. В 1895 году в Иркутске только за один день на торгах продали 900 пудов кости мамонта. Кстати, по высокой цене – за 1 рубль 16 копеек пуд (а на 10 рублей тогда можно было купить полкоровы). В советское время продажа этой кости потеряла значение, в основном были госпоставки на косторезные фабрики. Эти фабрики в Тобольске, Якутске, Архангельске, на родине Ломоносова в Холмогорье все в одночасье закрылись в перестройку. Так что следующий всплеск коммерческого спроса на бивни мамонта в России пришелся на постперестроечный период и открытие у нас свободного рынка. И, конечно, на кампанию по защите слона...

Древние звери на экспозиции Музея ледникового периода в Крокус-Экспо (Москва) впечатляют...

Фотографии на выставке сделаны автором книги – журналистом газеты.

— *Причем здесь слон?*

— А его популяцию к концу XX века мощно выбили браконьеры. Ведь страны, где водятся слоны, – самые нищие. В 1970 году годовой доход на душу населения в Кении был всего 12 долларов – это 1 доллар в месяц на человека. Поэтому проданный бивень слона становился очень лакомым объектом, который способен был накормить семью. Борясь с браконьерами, ЮНЕСКО в 1980-е годы вообще запретило в цивилизованных странах производство изделий из слоновьего бивня. К тому времени истребление слонов перешло границы. Индийскому слону еще повезло – у него маленькие бивни, а у самок иногда их вообще нет. Да и африканский слон под прессом оружейного огня стал адаптироваться – у него размеры бивней стали резко изменяться в сторону уменьшения. Частично потому, что выбивали генофонд – ведь браконьер старается убить слона как можно с большими бивнями. Да и самосохранение вида сработало. Когда после запретов ЮНЕСКО косторезы всего мира лишились слоновьей кости, на рынке срочно потребовалась замена. И она пришла в виде бивней мамонта из России, из розовой на свет кости, благородной под резцом мастера. Не забывайте, что 1987-м мы открыли границы для торговли – и Россия, где сделано 96 процентов мамонтовых находок, стала интересным игроком на рынке. Тогда я организовал свою самую первую выставку древних животных и повез удивлять ею Германию...

— *Это как раз время, когда вы обрели славу «императора коммерческой палеонтологии России»?*

— Это глупое определение мне дали в фильме, который был снят телеканалом Discovery. Но я думаю, что оно тенденциозно. Редактор фильма, побыв в Сибири 10 дней, общался со мной всего 15 минут. Его задачей было показать только коммерческую сторону палеонтологии: насколько, мол, цивилизованно все делается в США, насколько малоцивилизованно – в России и как варварски – в Китае. В том сюжете было много вранья в духе показа дикости «русского медведя» – вплоть до утверждений, что русский экспедиционный самолет якобы вели пьяные пилоты. Я думаю, создатель фильма даже не понял, чем же я занимаюсь на самом деле. А ведь уже тогда я мечтал о создании нового по смыслу палеонтологического музея-театра, где каждый может руками погладить мамонта. И эту мечту пронес сквозь годы и воплотил сейчас в 71-м павильоне на ВВЦ. Там не «лепнина», как во многих музеях (поэтому экспонат не дают трогать!), не пластик, не фальшь – там реальные осязаемые находки: рога шерстистого носорога, уникальные черепа пещерных львов и медведей, редкие скелеты животных ледникового периода.

— *Однако вы один из удачливых людей на этом поприще...*

– По духу я не бизнесмен, и по моим правилам другой бы уж давно разорился. И со многими подчиненными я не только делами связан: с тем в авиаотряде в Среднеколымске сдружился, а этот – отличный косторез, мне ребенка крестил (я ведь к тому же отец пятерых детей!). А не вылетаю в трубу потому, что больно эксклюзивный у нас вид деятельности, соперников нет. Вот Якутия ко мне ревностно относится: Шидловский, мол, на наших мамонтах славу делает, а что же мы? И каждый год то Всемирный музей мамонта затевает, то французов без всякого опыта подтягивает, то компании создает, которые вскоре банкротятся. Потому что 28 лет моего опыта и пути совершенства в этом деле махом не перепрыгнешь.

Или почему я с каким-то странным упорством, по сути, омертвляя свой капитал, себе в убыток лет 15—16 занимался поддержкой мастеров-косторезов с закрывшихся фабрик? Но теперь, когда бизнес бивней сошел на нет из-за инфляции, именно отечественная «косторезка» начала кормить. Я верно учуял вектор! В стране растет интерес к древностям – недавно роскошный череп мамонта приобрел для слонария Московский зоопарк. И мне было радостно не только выполнить этот значимый дизайнерский проект, но и осознать то, что палеонтологические заказы уже требуются нам, а не за границе. Несколько бивней купили «Лукойл» и «Сургутнефть». Берут изделия известных мастеров резьбы депутаты, бизнесмены. Нашу «косторезку» покупает Россия, шедевры остаются дома – вот что мне приятно.

— Вы можете назвать имена выдающихся косторезов, на которых еще держится русская мамонтовая традиция?

– Охотно. Осиповы, особенно мэтр – сам Геннадий Федорович Осипов. Буторин Николай. Зачиняев Николай. Гурьев Алексей. Ануфриев. Черняков. Гусевы, Саламакины. Да, Виктора Ватлина я чуть не забыл – чудеснейший косторез. Так что искусство это не умерло. Только боюсь, что преемственности кадров нет. Ведь прежние школы и фабрики давали династии. А теперь разве что у Лоховых смена растет – молодой Олег Лохов, думаю, даже отца переплюнул. Но это, к сожалению, сейчас, скорее, исключение...

Кстати, именно к косторезам я обратился, когда начал заниматься «реконструкциями» скелетов животных – ведь эти люди хорошо понимают не только материал, но и строение скелетов, анатомию зверей.

– А где, по-вашему, лежит граница между легальным бизнесом в палеонтологии и криминалом?

– Я отрицательно отношусь к «черным копателям», которые грабят заповедные зоны и пещеры на Алтае, Среднем и Северном Урале. На работы в местах уникальных захоронениях животных, действительно, нужны лицензии, так называемые открытые листы на посещения. А по таежной речке, пожалуйста, иди и сборный материал собирай. Раз земля дала на-гора и косточку освободила, то этот бивень лет через 20 развалится, если не подобрать и не сохранить. А насчет криминала в нашем деле... Знаете, когда нравственная планка общества упала во всех отношениях, это не минуло тех, кто должен печься об охране древностей. И в науке сейчас есть те, кто публично словоблудит, а на деле дает разрешение грабить заповедники под прикрытием научных лицензий.

Или вот интересный момент. У нас за последние 15 лет при плохой учетности исчезли все серьезные музейные экспонаты этого плана. Основательно подчищены запасники многих музеев. А ни одного дела уголовного не было возбуждено. Даже из Института палеонтологии был украден бивень мамонта весом 72 килограмма – прямо из выставочного зала. Чтобы восполнить потерю, мы с одним коллегой из своих запасов подарили аналогичный бивень их музею. И подписали на табличке из красного дерева, что мы дарим Институту этот дар. Так что вы думаете? Сейчас этот бивень на стене висит, а табличку сняли. Я пришел возмущаться: а почему? А мне в ответ: бивень висит высоко – и ваших фамилий все равно никто не увидит. Вот такое отношение!

– Как вы восприняли идею японского профессора Судзуи Ниоши клонировать мамонта?

– Я считаю ее великой мистификацией. Я спросил у профессора, почему он сделал такое несерьезное заявление – ведь он же не дилетант и не журналист, который ищет сенсации. На что японец ответил, что для рутинных поисков мамонтовой фауны в Восточной Сибири денег никто не даст. А после заявления, что Япония клонирует мамонта, – ему деньги сразу нашли! Вот на такой обман человек решился ради экспедиции...

– А что для вас самого экспедиции?

– Это другой мир! Для меня Москва тяжела, я задыхаюсь от обилия людей, машин, от проблем, которые стоят передо мной. Я уезжаю туда – там люди другие и проблемы другие. Ведь почему народ Севера сегодня нравственно сильнее? Там такова редкость и ценность населения, что каждый на виду и все друг друга знают. Там репутация важна – и дурная слава даже отца не забывается вовек: «Вон Петька идет! Его отец когда-то чужие капканы проверил...». Там фантастический народ и фантастическое гостеприимство. Ты разговариваешь с якутом, эвенком, чукчей – какая нравственность, какой богатый внутренний мир! И какая забота о людях и животных... Я не мастер красного слова, но там я отдыхаю в человеческом плане...

А экспедициями мы, конечно, существенно подкрепляем научный материал. Вот из всех древних животных я больше всего люблю шерстистого носорога. Потому что он мне трудно дался – я раньше не знал, в каком ареале его искать. А сейчас знаю – и теперь наша коллекция его рогов самая лучшая в мире. Кстати, я очень горжусь научным отделом, который создан в Музее ледникового периода и изучает это богатство. Сегодня шесть всемирно известных университетов – включая Оксфорд, Кембридж, университет штата Флорида – совместно с музеем работают с нашим ископаемым материалом. Благодаря экспедициям, мы сейчас знаем о древних животных куда больше, чем раньше. Даже о том, чем они болели. Ведь и у мамонта, как показали наши исследования, были такие заболевания, как остеохондроз. Или, например, у нас есть череп шерстистого носорога, который, по-видимому, умер от пародонтита, то есть воспаления зубной системы...

— Вы говорите о мамонтах и носорогах, как о чем-то недавнем...

– А древний мир ближе к нам, чем вы думаете. На острове Врангеля последние мамонты водились еще 3700 лет назад. В понимании истории это очень близко – во всяком случае, пирамида Хеопса египтянами уже была построена. В массе же животные ледникового периода начали исчезать 10—16 тысяч лет назад, когда арктические степи сменились лесами. Не приспособился мамонт – исчезли многие узконаправленные на степной корм виды. Но некоторые обитатели ледниковых времен дожили до наших дней. Допустим, северный олень вообще не изменился, перейдя на ягель. Овцебыки дожили до XX века в Гренландии. Яки ушли в горы – и выжили. Древние широколобые лоси превратились в обычных лосей и освоили лесное пространство. Жизнь на Земле протекает таким образом, что одна картина мира меняет другую. И нам, собирающим свидетельства ушедших эпох, надо понимать эту эволюцию. Ибо без нее понимание мира не будет полным.

Беседу вел Виктор САВЕЛЬЕВ.

Источник: газета «Ежедневные новости. Подмосковье», 10 июля 2007 года.

МОРАЛЬНЫЙ ФАКТОР

Интервью разных лет

Зураб Кекелидзе: ПОЗДРАВЬТЕ ДРУГ ДРУГА С ВЫГЛЯНУВШИМ СОЛНЦЕМ!

На днях известный психиатр профессор Зураб Кекелидзе на встрече с журналистами в РИА «Новости» выдал почти сенсацию: к 2020 году депрессия станет одним из основных заболеваний людей, уступая пальму первенства только сердечно-сосудистым заболеваниям. Суждения заместителя директора Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии имени В. П. Сербского, руководителя отдела неотложной психиатрии и помощи при чрезвычайных ситуациях будут интересны читателям...

Центром состоявшегося разговора была психологическая защищенность россиян в условиях коренной ломки прежнего уклада, неизбежных стрессов, катастроф природного и социального характера, погодных катаклизмов. Современный человек оказался уязвим. Его преследуют тревоги, стрессы, фобии. И чтобы избавиться от них, надо понимать характер этих фобий.

– Проще говоря, фобии – это страхи, – *сказал профессор Зураб Кекелидзе.* – Причем не все они имеют под собой почву. Представьте ситуацию, когда человек боится перейти через мост, большой и каменный, потому что боится, что он обрушится. Но на транспорте этот мост он проезжает спокойно. То есть некоторые из фобий бессмысленны. Чаще всего люди в городах боятся замкнутого пространства, опасаются закрытых помещений, соборных и культурно-развлекательных мероприятий. Они, скажем, приходят в театр и выбирают места ближе к выходу, чтобы быстро выбежать в случае землетрясения, взрыва. Это одна группа. У других – страх езды на наземном транспорте или в метро. Разумеется, во многом повинны и ситуации, в которых мы оказались. В последние 10 лет возникли страхи террористических актов, других чрезвычайных происшествий. И, конечно, пришли фобии другого типа, более социальные – это страх потерять здоровье, работу. С медицинской точки зрения они объективны и обусловлены развитием общества. Ведь мы шагаем в сторону капитализма. Вот и возникают страхи, характерные для капиталистического общества...

– *А как люди реагируют на потепление климата? Ведь недавние плюсовые аномалии зимы вызвали тревогу...*

Зураб Кекелидзе отвечает на вопросы. Фото автора.

– Ну, о потеплении климата говорить рано – наверное, теплые декабрь и январь нынешней зимы прямого отношения к «парниковому эффекту» не имеют. Уж больно большая разница температур, ведь «парниковый эффект» предполагает потепление всего на полградуса – градус. В любом случае я усматриваю полезную сторону в этом климатическом «опыте» – хотя бы на уровне генной памяти. Ведь у людей, переживших аномалию, потом будут дети, так что для этих детей опыт родителей будет, безусловно, положителен. Исходя из анализа обращений на «горячую линию» центра (телефон (495) 637-70-70) и к нашим специалистам, можно сделать вывод, что нынешний климатический стресс, скорее всего, не даст каких-то тяжелых изменений у большинства населения. Но это не значит, что все пройдет бесследно. Тут надо понимать, что происходит с нами в зимний период, когда мы, как и любые биологические существа, накапливаем энергию в виде жира, от чего, как известно, у всех много неизрасходованных калорий... Кстати, не правы женщины, которые стараются похудеть зимой, – они борются с биологическим накоплением жира, обусловленным тысячелетиями. Вот почему мой совет: вы должны начинать худеть весной! А зимой организм требует особого внимания, поскольку энергия не расходуется. И получается таким образом, что в то время, когда мы должны заснуть, мы не можем. Или часто просыпаемся по ночам. А к чему ведут нарушения сна? К снижению концентрации внимания, которую люди принимают за ухудшение памяти (хотя на деле затруднения не с памятью, а со вниманием). Снижается работоспособность, нарастает раздражительность. Зима не только действует на психику, но и обостряет так называемые психосоматические заболевания: диабет, язвенную болезнь, тяжело гипертоникам, тем, у кого кожные заболевания, и т. д. Следовательно, когда зимой наступают какие-то аномальные природные явления и перепады, надо помнить, что нагрузки мы переносим несколько хуже, и не перегружаться, соблюдать щадящий режим. И обязательно на этот период надо согласовать с лечащим врачом дозировки лекарств, которые вы принимаете, при необходимости скорректировать их...

– ***Быть может, в бедах виновато отсутствие солнца?***

– Это другой вопрос! Вот отсутствие солнца – это переносит намного тяжелее любой человек. Тот, кто часто бывает в Санкт-Петербурге, наверное, заметил – там люди даже поздравляют друг друга с хорошей погодой, с выглянувшим солнышком! Потому что от фона, который создает наше небесное светило, мы зависим очень значительно. Этот фактор больше влияет на нас, чем теплая зима...

– ***И все же вернемся к фобиям. Когда вы говорили о страхах горожан, вы имели в виду москвичей?***

– А Москва ничем не отличается от других больших городов, я имею в виду мегаполисы – здесь фобии одинаковы, разницы никакой. Иное дело небольшие города и селения –

там будут отсутствовать боязнь спуска в метро или страх высоких зданий, который у кого-то возникает на 10-м или 15-м этаже. Фобии, конечно, зависят от условий, в которых проживает человек. Но в значительной степени и от личности самого индивида. И от нагрузки, которую несет человек. И тут стоит задуматься. Дело в том, что нас с детства обучают, что надо чистить зубы, держать тело в чистоте, то есть обучают гигиене. Но есть такие понятия, как психогигиена и психопрофилактика. Вот об этом, к сожалению, никто никогда не думает. Любой человек – я не перестаю это повторять – знает, какой у него размер обуви, какой размер одежды, насколько он силен. Но в то же время он совершенно не представляет, как его психика среагирует на ту или иную чрезвычайную ситуацию. То есть свои физические данные человек знает, а о психологических возможностях не имеет понятия. И, к сожалению, часто даже не хочет знать. Опять же при физическом недуге мы тут же бежим к врачу. Тот же аппендицит – это обязательно поход к хирургу. А если бессонница или какие-то другие психические расстройства – так к специалисту в последнюю очередь. То есть голову мы доверяем кому угодно – к сожалению, это так! – начиная от гадалок...

Конечно, сейчас в психоневрологические диспансеры к специалистам стало обращаться больше народу. Я думаю, если сравнивать с 90-ми годами, где-то процентов на 50. Однако общее количество обращений учету не поддается. Потому что часть населения с определенными проблемами приходит к психологам – это вообще нигде не учитывается. Или идут к той категории людей, которые называют себя психотерапевтами, хотя на самом деле таковыми не являются. Потому что психотерапевт в России – это в первую очередь врач с высшим медицинским образованием и специальностью психиатра, потом прошедший дополнительное психотерапевтическое обучение. По сути, психотерапия – это субспециальность психиатрии. Возьмите пример Франции. Там тоже многие называют себя психотерапевтами. Но когда французский пациент приходит на прием, он сразу спрашивает: «Вы какой психотерапевт: который может выписать рецепт или который не может?». Ибо тот, кто выписывает рецепты, – это врач, а если человеку не дано такого права – это уже какая-то другая специальность, не медицинская. То есть, у них это дифференцируется...

– ***А что конкретно понимать под психогигиеной?***

– Прежде всего, надо сочетать разумный режим труда с полноценным отдыхом. Работоголиком быть не стоит, это не модно сейчас даже на Западе, где люди стали очень беречь свое здоровье, вести здоровый образ жизни. Желательно получить консультацию у специалиста, обследоваться, пройти тестирование: ведь вы должны знать, какая у нас нервная система, ваши психические возможности, какая работа вам подойдет и т. д.

– ***Наверное, важно не допускать психологических перегрузок?***

– Приведу пример по нашей работе на чрезвычайных ситуациях. Там ведь не только пострадавшие, но и врачи, оказывающие помощь, подвергаются жутким психологическим страданиям от картин смерти, разрушений, горя людей. К примеру, у нас есть один врач, который тяжело переживает эти ситуации. И если мы замечаем, что он начинает раздавать потерпевшим лекарства, которые сам принимает, дает им деньги, свою одежду, то понимаем: надо немедленно отстранять от работы этого врача. Важно не перейти предел, за которым следует срыв...

– ***Выезды на чрезвычайные ситуации, наверное, позволили психиатрам накопить бесценный опыт?***

– А весь опыт психиатрии накопительный. Возьмите Беслан – мы работали там буквально на пятый час после захвата террористами школы. Тут же стали разворачивать те службы, которые нужны, готовили отделения для психосоматических расстройств, говорили, что обязательно нужен «горячий телефон» для населения. Многие вначале смотрели на это со скепсисом: «Да это ж Беслан, кто ж будет к вам обращаться...». Но люди потянулись к врачам. В первый день пришел парень лет восемнадцати и сказал: «Я самый главный в семье. Но я

не могу у вас сейчас оставаться и жаловаться на свои переживания, потому что здесь мои соседи в очереди стоят. Можно, я приду в три часа ночи, когда никого не будет?». Да, действительно, в первый и второй день он ходил к нам только в три часа ночи. А на третьи сутки он начал приходить днем, поняв, что заниматься своим психическим здоровьем – это правильно. А скрывать – это неправильно...

– *Коль коснулись чрезвычайных тем, скажите, почему в России такой высокий уровень самоубийств или, как их еще зовут, суицидов...*

– Уровень суицидов, действительно, высок, по нему нас опережает лишь несколько стран, в том числе, насколько я помню, Литва. Мы сейчас по заданию Всемирной организации здравоохранения пытаемся осмыслить причины и на процесс воздействовать. Однако замечу, что само по себе суицидальное действие (то есть, попытки совершения суицида) не всегда является психическим заболеванием. Разумеется, есть люди с более стабильной психикой и, наоборот, более подверженные, которые чаще доводят свои попытки до конца. Однако проблема эта шире медицинской – потому что в одних ситуациях, в одних микросоциальных средах суицид считается приемлемой мерой, приемлемым исходом из ситуации. А в других – наоборот: это считается исключаящим. Даже различные религии относятся к суициду по-разному. Известно из научного наследия физиолога Ивана Петровича Павлова, что в Китае в определенной среде были люди, которых можно было купить – за деньги они были готовы вместо тебя пойти и совершить суицид. Поэтому это вопрос и социальный, и традиций, и даже определенных этнических групп, которые я здесь не стану называть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.